

Сопаданка
для
Василиска

СОТСКОВА
ТАТЬЯНА

Сотскова Татьяна

Попаданка для Василиска

<https://litres.ru/74227434>

Аннотация

Есть много способов умереть глупо. Алиса выбрала самый нелепый — поскользнулась на коврикe в ванной.

Но умирать она не собиралась. Она не была бы собой, если бы не выбила у Смерти договор.

И вот она уже не мёртвая девчонка с Земли. Она — принцесса Лиранель. Радуйся! Королевская жизнь началась. Правда, недолгая.

Ведь Алиса смогла занять это тело только потому, что настоящая Лиранель предпочла смерть замужеству с огром. А всё потому, что его жёны умирают в первую же брачную ночь. Все до единой.

Алиса, которая только обрела шанс прожить «долго и счастливо», не собиралась умирать так быстро. И тем более не собиралась становиться следующей.

Оставался только один выход: бежать.

Но куда? К другому мужу! А к кому? К василиску, которого бояться не меньше, чем короля огров, но на его счету... ноль умерших жён. Вообще ноль. Потому что не было ни одной.

Выбор очевиден.

Василиск, держись! Попаданка уже в пути!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Визуализация. Принцесса и землянка	21
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Глава 1

Ноябрь за окном делал вид, что не собирается замерзать окончательно. Батареи грели через раз, сосед сверху традиционно сверлил стену в десять вечера, а я сидела на корточках перед открытым холодильником и вела внутренний диалог:

«Гречка есть, кефир прокис, борщ ещё дышит — значит, вечер не пропадёт».

Двадцать восемь лет, фриланс, съёмная однушка, никаких мужей, детей и ипотеки. Я выключила свет на кухне, зажгла ту самую свечку «Лаванда и ваниль» (Настькин подарок, который я храню из чувства вины) и с удивлением поймала себя на мысли:

«А ведь нормально живётся. Небогато. Но уютно». Надо же. Я редко так думала.

Ванна в этой квартире была ровесницей моей мамы — чугунная, с облупившейся эмалью и ножками-лапками. Я налила погорячее, пены не пожалела, забрала телефон и полчаса тупо листала ленту: гранты, дети, ссоры из-за посудомоек. Чужая жизнь текла мимо, а моя — стояла на паузе.

Я выключила воду, встала на мокрый пол, наступила на резиновый коврик с уткой (и это тоже Настька, я её убью, однажды) и потянулась за полотенцем. Коврик поехал. Не как в кино — медленно, с нарастающим саспенсом. А по-быто-

вому: скользнул, и всё. Ноги уехали вперёд, руки взлетели в воздух, я задела раковину краем поясницы и встретила затылком с кафелем. Точно в том месте, где позвоночник встречается с черепом.

Боли не было. Сначала вообще ничего не было — только ватная тишина, какой не бывает даже в три ночи в этом городе. Я лежала на спине, смотрела на жёлтое пятно от протечки на потолке и думала с удивительной ясностью:

«Как глупо. Я не доела шоколад. Тот самый, с лесным орехом. Лежит в тумбочке, гад».

Потом тьма начала сжиматься с краёв, как объектив дешёвого фотоаппарата. Я попыталась пошевелить пальцами — ноль реакции. Попыталась вздохнуть — лёгкие не слушались. Последней погасла мысль:

«Утюг. Я его выключила? Кажется, да».

Ирония. Даже умирая, я думала о быте.

А потом я открыла глаза. И сразу поняла — это не потолок. Вокруг было серо. Не темно, не мрачно — именно серо, как черновик перед экзаменом, как декабрьское небо. Под ногами (ноги были на месте, что уже приятно) — что-то вроде мокрого асфальта, только сухого. Воздух пах пылью и старыми больницами. Ни звуков. Ни шагов, ни дыхания, ни ветра. Только я и бесконечный серый коридор. Я открыла рот, чтобы заорать, но из марева впереди уже начала проступать фигура. Через чур знакомая, ведь именно так нам ее описывают в разных фильмах, книгах, и других местах, где

можно визуально ее показать.

Коса оказалась настоящей. Тяжёлой, с тусклым отсветом старого серпа, каким в деревне траву косят. Потом из серой дымки выплыл чёрный балахон — потёртый на рукавах, будто его владелица лет пятьсот таскалась по грязи. А потом я разглядела лицо. Смерть была женщиной. Лет под пятьдесят, с усталыми глазами цвета заварки, с седыми прядями из-под капюшона, с мелкими морщинами вокруг рта. Она не парила в воздухе, не светилась, не гремела. Она просто стояла, опиралась на косу как на трость и смотрела на меня с таким видом, будто я — опоздавшая на последнюю электричку.

— Привет, — сказала она. Голос — курящей учительницы литературы, которая уже всё поняла про твоё сочинение. — Время пришло.

— В смысле «пришло»? — Мой голос звучал обычно — московский, хрипловатый после чая. — Я умерла? От удара головой? В собственной ванной?

— Не совсем от удара. У тебя был скрытый порок сосудов. — Она пожала плечами. — Могла умереть во сне, могла в спортзале, могла в пробке. А ты выбрала ванну. — Смерть скривилась, будто ей самой было противно об этом говорить. — Бывает. Я видела и не такое.

— То есть я просто вылезла из ванны и всё?

— Всё.

И тут меня накрыло. Не горе. Не страх. Ярость. Белая, кипящая, как чайник на плите.

— Серьёзно?! — Гнев придал мне сил. Я, едва управляя своим телом, встала, и шагнула вперёд. Смерть на всякий пожарный приподняла косу, но мне было плевать. — Я поступила в институт с третьего раза! Я год работала на двух работах, чтобы купить нормальный ноутбук! Я пережила начальника-абыюзера, кризис в двадцать пять и тот ужасный роман с Вадиком, который не мыл голову по три недели! И после всего этого я умираю потому, что поскользнулась на коврик с уткой?! Это не смерть! Это фарс! Это анекдот, который моя подруга рассказала бы за бокалом вина!

Смерть вздохнула. Тяжело. По-человечески.

— Все так говорят, Алиса. Никто не умирает красиво. В кино — красиво. В жизни — в туалете, в пробке, от упавшего кирпича. Моя работа — не спрашивать «как». Моя работа — забирать.

— Забирать? — Я сбавила тон. — А если я не хочу? Слышишь? Я не хочу умирать. Я не закончила сериал. Я не помирилась с мамой. Я не купила тот зелёный диван, о котором мечтала два года. Верни меня обратно. У тебя же есть кнопка «отмена»? Откат? Сохраниться и выйти?

Смерть покачала головой. И впервые в её голосе я услышала не усталость, а тень сожаления.

— Нет кнопки, Алиса. Я не оживляю. Я забираю души. Твоё тело уже холодное. Скорая приедет через десять минут и констатирует отёк мозга. Я не могу сделать мёртвое живым. Даже я не всесильна.

Я опустила на серый пол. Мне казалось, сейчас разрыдаюсь — но слёз не было. Только пустота. И где-то глубоко внутри — маленькая, упрямая искра. «Не может быть, чтобы совсем не было выхода. Не может быть».

— Есть способ? — спросила я, не поднимая головы. — Не вернуть меня обратно. Но что-то сделать? Ты сказала «даже я не всесильна». Значит, ты всё-таки что-то можешь. Просто не всё.

Смерть замерла. Коса качнулась, как маятник.

— Ты умная, — сказала она неохотно. — Или наглая. Или и то и другое. — Помолчала. Потом села на корточки напротив меня. — Есть одна штука. Неофициальная. Только для тех, кто... как ты. Кто умер слишком рано и слишком глупо.

— Говори.

— Можно поменяться телами. Найти того, кто хочет умереть. Не просто грустит, а по-настоящему — всем нутром, каждой клеткой. Такая душа с радостью отдаст тело. А ты займёшь её место. Не своё — чужое. Чужая жизнь. Чужие проблемы. Чужие долги. Но ты будешь жить. Физически. В каком-то из миров.

Я подняла голову. Глаза сухие, но взгляд — острый, как тот кафель, о который я разбила себе череп.

— Подвох?

— Ты не можешь выбрать тело. Система сама подбирает того, кому ты максимально не подходишь. Чтобы вы обе не отказывались в последний момент. — Смерть криво усмех-

нулась. — Иногда получается смешно. Иногда — трагично. Чаще — и то и другое.

— А если я не захочу там оставаться? Если та жизнь окажется хуже смерти?

— Тогда откуси яблоко. — Она протянула руку, и из воздуха материализовался плод. Не красный, не зелёный. Золотой. Гладкий, блестящий, без единого пятнышка. Он лежал на её чёрной перчатке и светился изнутри, как маленькое солнце. — Это связующее. Пока цело — ты привязана к моему коридору. Откусишь — вернёшься сюда, и я заберу душу уже навсегда. Без права повторного обмена.

Я взяла яблоко. Оно оказалось тяжёлым — как настоящее, живое. И тёплым, будто только что с дерева. Я повертела его, понюхала. Пахло мёдом и чем-то до боли знакомым — может быть, летним садом у бабушки в Твери.

— А тот, чьё тело я займу... он умрёт?

— Её душа уйдёт в небытие. Она этого хочет. Я не насиую волю.

— И я не смогу вернуться в своё тело?

— Твоё тело уже мертво, Алиса. Забудь. И прошлую жизнь тоже. Документы, пароли, друзья, мама — всего этого больше нет. Ты начнёшь с нуля. В другом теле. В другом мире. С другой судьбой.

Я зажмурилась. Всю жизнь я не умела принимать быстрых решений — сомневалась, перепроверяла, откладывала. Но сейчас завтра не было. Я открыла глаза и сказала:

— Я согласна.

— Дерзкая, — хмыкнула Смерть. — Мне такие нравятся. — Она поднялась, поправила капюшон и вдруг хихикнула — по-девчоночьи, почти заговорщически. — Знаешь, а может, оно и к лучшему. Работы у меня много, а ты, глядишь, приживёшься. Только запомни: яблоко не теряй. Оно всегда будет рядом. В самые тяжёлые моменты — на столе, в кармане, под подушкой. Оно будет звать тебя обратно. Не слушай его, если не готова.

— Поняла. Я не откушу.

— Посмотрим, — Смерть щёлкнула пальцами. — Добро пожаловать в новую жизнь, Алиса. Ты там нужнее, чем здесь. И мир поплыл.

КНИГА УЧАСТВУЕТ В ЛИТМОБЕ ТРОПОЮ МИФОВ

<https://litnet.com/shrt/7nX6>

 От заснеженных лесов славянских земель до жарких песков Аравии, от туманных фьордов Скандинавии до бамбуковых рощ Азии — этот Литмоб ведет по мирам, где легенды реальны. В центре каждой истории — мифические существа: оборотень, лепреккон, цербер, гуль, кицунэ... И таинственное яблоко, которое появляется, чтобы помочь героям в делах сердечных.

Глава 2

Я открыла глаза резко, словно мое сознание включили. Не щелчком, не плавным всплытием — а резким, болезненным толчком, будто меня вышвырнули из серого коридора ногой под зад.

Первое, что я почувствовала — боль. Не в голове, как тогда, в ванной. А везде. Запястья саднили, горло першило, под левой ключицей пульсировал синяк.

Я лежала на чём-то невероятно мягком — шелк, пух, кружева — и с ужасом осознавала: это тело было не моим. Грудь тяжелее. Рёбра уже. Кожа тоньше, бледнее, с голубоватыми прожилками, как у фарфоровой куклы. Волосы — я машинально провела рукой — длинные, ниже лопаток, жёсткие и рыжие. Мои были русые. Мои были короткими. Мои были моими. А эти — чужие. И пахли они не моим шампунем, а лавандой и чем-то горьким, вроде полыни.

Я села на кровати — и замерла. Простыни были измяты, подушка сбита в комок, а на прикроватном столике стояла пустая стеклянная склянка с остатками мутной жидкости. Рядом — кинжал. Небольшой, изящный, с рукоятью из слоновой кости, но с вполне настоящим лезвием. На лезвии — бурые разводы.

Я посмотрела на свои запястья и всё поняла. Тонкие красные полосы, уже подсохшие, но ещё не зажившие. Кто-то

успел вмешаться. Кто-то перевязал, отпоил, уложил в постель.

Меня затошнило. Я не знала, чьё тело сейчас ношу, но точно знала одно: прежняя хозяйка хотела умереть. И хотела так сильно, что не пожалела собственных вен.

Дверь с грохотом распахнулась. В спальню влетела девушка — невысокая, круглолицая, в простом льняном платье и накрахмаленном переднике. Она увидела меня сидящей и замерла на пороге с выражением ужаса и облегчения одновременно.

— Ваше высочество! — выдохнула она, бросаясь к кровати. — Вы очнулись! Я думала... мы все думали... — Она схватила мои руки, перевернула ладонями вверх, проверила повязки, потом прижала их к своей груди. — Зачем вы это сделали? Зачем, госпожа?

Я смотрела на неё и не знала, что сказать. Моё имя? Моя роль? Моя легенда? Я открыла рот, и оттуда вырвался чужой, тонкий голос — выше и мягче моего московского:

— Воды.

Служанка засуетилась, подала серебряный кубок. Я пила маленькими глотками, рассматривая комнату. Золото, шёлк, толстые свечи в канделябрах, герб над камином — корона и пять звёзд. Огромное окно от пола до потолка, за ним — серое небо и черепичные крыши. Средневековье. Настоящее, живое, не павильонное. Девушка говорила с придыханием:

— Вы меня напугали, принцесса Лиранель. Его величе-

ство король приказал не спускать с вас глаз. Если бы не лекарь, который вовремя зашёл...

— Лиранель, — повторила я чужим голосом. Имя легло на язык непривычно, как камешек в ботинок. — Лиранель.

— Да, ваше высочество. — Служанка вдруг заплакала. — Я знаю, вы не хотите замуж за Короля огров. Но, умоляю, не делайте этого больше. Лучше бежать, лучше просить отца, лучше всё, чем... чем так.

Король огров. Свадьба. Новые вводные. Эта девушка, принцесса, так не хотела замуж за него, что готова была умереть? Что же это за монстр такой? Я закрыла глаза и на секунду представила ту, чьё тело теперь носила. Её страх. Её отчаяние. Её выбор. Чего же она так испугалась? Почему предпочла смерть замужеству?

— Не буду, — сказала я тихо. — Обещаю.

Девушка недоверчиво улыбнулась, но углубляться в разговор не стала. Вместо этого она кивнула, улыбнулась, и сообщила, что пора собирать меня.

Служанка, которую звали Милли, одела меня за полчаса. Корсет — отдельная история, я чуть не задохнулась. Платье — тяжёлое, зелёное, с золотым шитьём. Волосы заплели в сложную косу. В зеркале из полированной стали отражалась незнакомка — лет девятнадцати, рыжая, с огромными карими глазами и тонкими, почти прозрачными руками. Она смотрела на меня с испугом и вызовом одновременно.

«Ну что, Алиса, — подумала я. — Вживайся в роль».

За дверью ждал коридор — высокий, каменный, с гобеленами на стенах. Милли семенила сзади и шептала:

«Ваше высочество, его величество будет завтракать со всеми принцессами. Будьте осторожны. Старшая принцесса Розалинда сегодня не в духе».

Значит, у нас завтрак. И я не единственная принцесса. Какие отношения, теперь уже у меня, с сестрами? А с отцом? Мне же еще с ним придется разговаривать по поводу брака. Если душа, чье тело я занимаю, предпочитала смерть замужеству, значит и мне придется выкручиваться, и не выходить за него замуж. Позволит ли король?

Тронный зал оказался столовой. Длинный дубовый стол, тяжёлые стулья с резными спинками, запах жареного мяса и мёда. Во главе сидел мужчина — король. Лет пятидесяти, с сединой в русой бороде и мешками под глазами. Усталый. Разорённый. Не злой — просто загнанный в угол.

По правую руку от него — четыре девушки. Мои «сёстры». Старшая, Розалинда — холодная блондинка с острым подбородком, в синем платье. Я поняла это, так как она выглядела ответственнее других. Более зрело, старше, чем остальные.

Вторая — пухлая, с вечно обиженным лицом. Третья — острая на вид, как шило. Четвёртая — маленькая девчушка, которой, наверное, лет шестнадцать, и она откровенно боится всех, кто старше. И пустое место. Моё. Я села. Десять глаз уставились на меня.

— Лиранель, — король отложил нож и посмотрел на меня тяжело, как на больную лошадь, которую жалко, но забить придётся. — Ты в порядке? Лекарь сказал, ты много потеряла крови.

— Я в порядке, отец, — ответила я чужим голосом. Слово «отец» прозвучало как гвоздь в доску, но никто не заметил.

— Хорошо, — кивнул он. — Потому что через две недели свадьба. Король огров прислал подтверждение. Он ждёт тебя.

За столом повисла тишина. Розалинда усмехнулась в бокал. Еще одна побледнела. Младшая уставилась в тарелку. А у последней всхлипнула — совсем тихо, почти беззвучно, но я слышала.

— Две недели, — повторила я. — Поняла.

— Мы все так испугались! — Сообщила одна из принцесс. — Розалинда, Лилиан, Марго! А я места себе не находила! Больше так не делай!

Девчушка указала на всех по очереди, и у меня наконец появилось представление, кого и как зовут.

— Беатрис, не стоит сейчас об этом говорить. — Сказала Розалинда, обрывая сестру. — Наша сестра не в том состоянии, чтобы такое обсуждать. Дай ей сначала прийти в себя и восстановиться.

Беатрис прикусила губу и замолчала, и начался завтрак. Мне действительно было не до разговоров об этом. Я понятия не имела, почему девушка решила умереть, и рассказы-

вать мне было не о чем. Но, судя по всему, от этого разговора не отвертеться. Надо бы придумать, что говорить им...

После завтрака Розалинда поймала меня в коридоре. Она была выше меня на полголовы и пользовалась этим как оружием.

— Не строй из себя невинную жертву, Лира, — процедила она. — Вся страна знает, что ты пыталась вырезать себе вены, чтобы не идти к огру. Только вот короне от этого не легче. Мы и так на грани. Твоя смерть ничего бы не решила. Только усугубила.

— Я жива, — сказала я спокойно. — Можешь не переживать.

— О, я не переживаю. — Она наклонилась ближе. — Я просто хочу, чтобы ты знала: если ты сбежишь или снова попытаешься убить себя, отец выдаст за огра меня. И тогда мой жених останется без невесты. А нам нужны эти договора, понимаешь? Для нашей страны! Да, я согласна, что огр страшен, и о нем ходит много слухов. Не хороших слухов. Но, уверена, будь они правдивы, отец бы не стал тебя выдавать за него замуж. Кто бы согласился отдать дочь на смерть в ее первую брачную ночь? Одумайся! У тебя, как и у меня, есть обязанности перед страной. Мы не выбираем, на ком жениться.

Она ушла, цокая каблуками. А я осталась стоять в каменном коридоре и впервые по-настоящему осознала, в какое дерьмо вляпалась. Я думала, что просто поменяю тело. А по-

лучила чужой страх, чужую семью, чужую казнь, назначенную на две недели вперёд.

Вернувшись в спальню я выгнала служанку под предлогом головной боли. Села на кровать, обхватила колени и разрешила себе испугаться. По-настоящему. Без иронии, без отговорок.

Король огров. Слухи? Я заставила себя думать. Огры. В моём мире — сказки, в этом — реальность. Опасный настолько, что женщины предпочитают смерть. Почему? Он настолько опасен для женщин? Приносит их в жертву? Что?

Я подошла к двери, намереваясь выйти. Зачем? Может, чтобы позвать на помощь. Или чтобы сбежать. Сама не знала.

Я распахнула дверь в коридор и услышала, как шепчутся две служанки.

— Бедная принцесса! За что с ней так король? Неужели он готов убить дочь ради страны? — Говорила первая, и ее голос был дрожащим, словно она вот-вот заплачет.

— Кто поймет этих королей. Это не нашего ума дело. — Сказала вторая, и ее голос тоже дрожал, но был твердым. — Я знаю, что говорят в замке. Да и на улицах. Что король огров получил благословение от бога хаоса, что сам он своих жен приносит в жертву, чтобы управлять этим хаосом. И что наша принцесса у него уже шестая жена. Все знаю. И думаю, что король тоже знает об этих слухах. Но, думаешь, что наш король, зная об этом, стал бы выдавать за него нашу Лиру?

— Но ведь его жены умирали! Разве это не подозрительно?

— Не подозрительно! — Оборвала фразу строгая служанка. — Король сам знает, что делает. Ты дальше своего носа не видишь, а король целой страной управляет. И каждый год старается накормить голодных, обогреть замерзших, и найти работу безработным. За все эти годы король ни разу нас не подвел. Так что доверяй ему.

Я услышала приближающиеся шаги и закрыла дверь.

Значит, благословлен хаосом? Значит, жертвоприношение? Это все может быть обычными слухами. Возможно, король действительно знает, что делает, и не даст дочь в обиду.

Но устраивает ли меня такой расклад? Однозначно нет.

За размышлениями о своем скором будущем пришло время сна. Но я не могла спать. Сидела при свечах и листала бумаги, которые нашла в резном деревянном ящике у кровати.

Письма, договоры, генеалогические деревья. Сёстры были уже почти все пристроены — эльф, орк, дракон, человек. Каждый брак — сделка. Травы по сниженной цене, военный союз, пшеница, редкие ресурсы. А я — последняя. Разменная монета для самого страшного покупателя.

Но потом я наткнулась на другой документ. Пожелтевший пергамент, перевязанный зелёной лентой. Список неженатых королей соседних земель. В самом низу, мелким подчёркнутым почерком:

«Василиск, король южных территорий. Холоден, опасен.

Не женат. Слухи — жесток. Но не убивал ни одной жены, потому что не было ни одной».

Я перечитала три раза. Сердце забилося быстрее.

«Лучше холодная чешуя, — подумала я. — Чем гарантированная смерть».

Перед тем как лечь, я машинально провела рукой по тумбочке — и замерла. На полированном дереве лежало золотое яблоко. То самое. От Смерти. Я не брала его сюда. Оно просто появилось само — гладкое, тяжёлое, светящееся изнутри. Я взяла его в ладони. Тёплое. Живое. Оно словно спрашивало:

«Ну что, уже надумала? Один укус — и не будет ни огра, ни боли, ни этого дурацкого корсета».

Я сжала яблоко так, что побелели костяшки. Потом открыла шкатулку, которая стояла тут же, и положила его внутрь. Захлопнула крышку.

«Не сейчас, — сказала я себе. — Сначала попробую выкрутиться. А если не получится — тогда посмотрим».

Я лежала в темноте, смотрела в высокий потолок с лепниной и думала. Не о том, как сбежать. Не о том, как убить себя (этот вариант прежняя Лиранель уже проверила — не работает). А о том, как переиграть всех.

Король-отец хочет выгодный союз. Огр хочет жену. Сёстры хотят не оказаться на моём месте. А я хочу жить. И если для этого нужно найти другого жениха, убедить отца, разорвать договор с монстром и отправиться неизвестно куда —

я это сделаю.

В конце концов, я уже умерла один раз из-за коврика с уткой. Второй раз я не умру из-за какого-то огрского короля. Даже если ради этого придётся перевернуть всё королевство вверх дном. Я закрыла глаза и прошептала в темноту:

— Держись, Алиса. Ты не в Москве, но ты всё ещё ты.

И, странное дело, впервые за этот день чужое тело перестало казаться таким уж чужим.

Дорогие читатели! Хочу познакомить вас с еще одной книгой, участвующей в литмобе:

ПЛЕННИЦА ТМЕНОЙ КНИГИ 18+

АВТОР: АННА КАЙЗЕР

<https://litnet.com/shrt/N5-L>

Визуализация.

Принцесса и землянка

— Можно поменяться телами. Найти того, кто хочет умереть. Не просто грустит, а по-настоящему — всем нутром, каждой клеткой. Такая душа с радостью отдаст тело. А ты займёшь её место. Не своё — чужое. Чужая жизнь. Чужие проблемы. Чужие долги. Но ты будешь жить. Физически. В каком-то из миров.

Я подняла голову. Глаза сухие, но взгляд — острый, как тот кафель, о который я разбила себе череп.

— Подвох?

— Ты не можешь выбрать тело. Система сама подбирает того, кому ты максимально не подходишь. Чтобы вы обе не отказывались в последний момент. — Смерть криво усмехнулась. — Иногда получается смешно. Иногда — трагично. Чаще — и то и другое.

Глава 3

Меня разбудили затемно. Милли, моя круглая служанка с вечно мокрыми глазами, уже держала в руках платье — на этот раз бордовое, с высоким воротником и рукавами-буфами. Корсет затянули так, что я забыла, как выглядит глубокий вдох. Волосы уложили в сложную причёску с жемчужной сеткой.

— Состоится совет, ваше высочество, — шептала Милли, поправляя складки. — Его величество велели привести вас в тронный зал ровно к восходу.

Я смотрела в зеркало на незнакомку с карими глазами и думала:

«Ты — принцесса. Ты — разменная монета. Ты — то, что они сейчас продадут с молотка. Улыбайся».

Я улыбнулась. Получилось кривовато, но сойдёт.

Зал оказался огромным, холодным и пахнувшим старостью — воском, камнем и пыльными гобеленами. Узкие окна пропускали серый утренний свет, который падал на длинный стол из тёмного дуба. За столом уже сидели. Во главе — король Эдвард, мой «отец». Мешки под глазами стали глубже, чем вчера, будто он не спал всю ночь.

Рядом с ним — советник. Тощий мужчина в чёрном камзоле, с острым носом и маслянистыми глазами. Его звали лорд Корбин, и он смотрел на меня так, будто оценивал,

сколько мяса на костях. Сёстры — все четыре. Розалинда скучала, Лилиан ковыряла ногтем стол, Марго сверлила меня взглядом, а маленькая Беатрис сидела тихо, как мышь, и только изредка бросала на меня испуганные взгляды. Моё место оказалось в самом конце стола — подальше от отца, поближе к выходу.

Король поднял руку, и все замолчали. Даже Розалинда перестала играть с бокалом.

— Мы собрались, — начал он глухо, — чтобы обсудить последний и самый важный брачный договор. Король огров подтвердил свои намерения. Через месяц состоится свадьба. Лиранель отправится в Чёрные Земли и станет женой Грозного Кхарона.

Я услышала имя впервые. Кхарон. Ударение на первый слог. Звучало как камень, брошенный в колодец.

— Договор уже подписан? — спросила я. Голос не дрожал. Я сама удивилась.

— Почти, — ответил Корбин, не глядя на меня. — Остались технические детали. Приданое, границы земель, пункты о безопасности невесты.

— Пункты о безопасности? — я приподняла бровь. — Это те, которые защитят меня от мужа, убившего предыдущую жену?

За столом повисла тишина. Розалинда хмыкнула. Король поморщился, будто я ударила его по больному месту.

— Лиранель, — сказал король устало, — я понимаю твои

чувства. Но ты должна понять положение страны. Без этого брака мы не протянем и года. Огр даёт защиту от северных захватчиков и доступ к чёрному металлу, которого больше нет нигде.

— Я всё понимаю, отец, — ответила я, опуская глаза. Покорно. Смиренно. Как и положено дочери, у которой нет выбора. — Я сделаю то, что должна.

Корбин одобрительно кивнул. Розалинда отвернулась — ей стало неинтересно. А я внутренне кипела. «Сделаю то, что должна», — повторила я про себя. «Только не так, как вы думаете».

Совет закончился быстро. Король ушёл с Корбином в малую гостиную — о чём-то перешёптываясь, сёстры разбежались по своим делам. А я стояла у окна в пустом коридоре и пыталась отдышаться. Корсет душил, но не только он. Ярость поднималась к горлу комом, и я боялась, что если открою рот, то закричу. И тут кто-то тронул меня за рукав.

— Лира?

Я обернулась. Беатрис. Маленькая, худая, с льняными волосами, заплетёнными в две косички. Ей было шестнадцать, но выглядела она на тринадцать — и вела себя так же. Она смотрела на меня снизу вверх огромными глазами, и в них читалось что-то, чего я не ожидала: не жалость, не страх, а странная решимость.

— Ты не хочешь идти за огра, да? — спросила она шёпотом, оглядываясь по сторонам.

— Нет, — сказала я честно. — Не хочу.

— Я знаю. — Беатрис вдруг схватила меня за руку и потянула в нишу, где за гобеленом скрывалась маленькая каменная скамья. — Я вчера вечером подслушала. Папу и Корбина. Они думали, что я сплю, а я просто хотела воды. И слышала про тебя.

— Что именно? — я насторожилась.

— Они обсуждали договор с огром. Там целая страница про твою безопасность. — Беатрис зашептала быстрее, пугаясь в словах. — Про то, что у тебя должна быть отдельная комната с замком изнутри. Что слуги из нашего королевства останутся с тобой на год. Что если Кхарон причинит тебе вред — не дай боже, конечно — договор расторгается, и он платит огромную компенсацию. И ещё... — Она замялась. — Ещё там было про брачную ночь. Что если он... если ты... если ты не выживешь, корона получает все его земли.

— Отец беспокоится о тебе, — продолжила Беатрис, сжимая мою ладонь. — Правда. Он не хочет тебя отдавать. Но у него нет выбора. И он постарался сделать так, чтобы тебе было максимально безопасно. Он даже просил Корбина добавить пункт, что огр обязан пройти обучение контролю силы до свадьбы. Только Кхарон отказался. Сказал, что не собирается ни перед кем унижаться.

Я слушала и чувствовала, как что-то тяжёлое оседает в груди. Не облегчение. Не благодарность. Что-то другое. Горькое и колючее. Король правда прописал пункты без-

опасности. Он правда пытался. Но все эти пункты — просто чернила на бумаге. Они не остановят монстра, если он разозлится. Они не воскресят меня, если он сломает мне позвоночник в порыве страсти.

— Видишь? — Беатрис попыталась улыбнуться. — Всё будет хорошо. Папа позаботился о тебе.

— Конечно, — я погладила её по голове. — Спасибо, что сказала.

Она улыбнулась — по-детски, доверчиво — и убежала. А я осталась в нише за gobеленом и поняла одну простую вещь: король вынужден пойти на этот брак. Он понимает о рисках. Но еще он понимает о последствиях. Он взял на себя ношу заботы о целом государстве, и если необходимо пожертвовать одной из дочерей, чтобы прокормить целую страну — он это сделает. Но приложит все силы, все свое могущество, чтобы обеспечить безопасность.

Только за это его можно уважать. Так себе отец, но хороший правитель.

Я вышла из ниши и медленно пошла по коридору. Пальцы сами собой сжались в кулаки.

Пункты безопасности. Комната с замком. Слуги-свидетели. Компенсация в случае моей смерти.

Я почти рассмеялась вслух — горько, по-настоящему. Они уже посчитали, сколько стоят мои похороны. Они уже оценили, какой кусок земель отвалит короне, если я не переживу первую ночь. Это не забота. Это страховка. Биз-

нес-план. Я для них — актив. Рискованный, но с хорошей страховкой.

А еще я — любимая дочь. И меня по максимуму защитят. Но этого не достаточно.

Ночью я не спала. Лежала на шёлковых простынях, смотрела в потолок и считала трещины в лепнине. Луна за окном была огромной — жёлтой, как то самое яблоко. Милли приходила дважды: сначала поправить одеяло, потом принести тёплого молока с мёдом. Я пила, кивала, улыбалась.

Как только дверь закрылась, отставила кружку нетронутой. Сон не шёл. В голове крутились обрывки — слова Беатрис, холодный голос Корбина, усталые глаза короля. И один и тот же вопрос: «Как выкрутиться?»

Я села на кровати и посмотрела на тумбочку. Золотое яблоко лежало там — я не помнила, чтобы вынимала его из шкатулки. Оно просто появилось. Словно чувствовало мой страх. Я взяла его в руки.

«Откуси, — подумала я. — Всего один укус. И не будет ни свадьбы, ни огра, ни этих дурацких пунктов безопасности. Ты вернёшься к Смерти, и она заберёт твою душу. Всё закончится. Быстро. Чисто».

Я поднесла яблоко к губам. Золотая кожура почти коснулась нижней губы. И в этот момент я услышала свой собственный голос — не вслух, а внутри. Тот самый, который говорил: «Я не умерла из-за коврика с уткой, чтобы сдохнуть из-за какого-то огра».

Я отняла яблоко от губ. Положила обратно на тумбочку. Оно мигнуло — недовольно, как мне показалось — и затихло. Я встала, подошла к окну. За стеклом спал чужой город: черепичные крыши, редкие огни, силуэты стражников на стенах.

Я вернулась в кровать, но не легла. Села, обхватив колени, и сказала шёпотом в темноту — так, чтобы никто не услышал:

— Я не стану женой огра. Я не стану разменной монетой. Я не стану пунктом в брачном договоре. Я найду другой выход. Я переверну эту страну, перессорю всех этих королей, сбегу, украду дракона, заставлю самого дьявола танцевать под свою дудку — но не пойду на смерть, которую выбрали для меня другие.

Луна светила в окно, и мне показалось на секунду, что она стала чуть ярче. Я легла, закрыла глаза и провалилась в сон без сновидений. А на тумбочке золотое яблоко медленно потускнело — и исчезло до следующего раза.

А вот еще однак книга, участвующая в литмобе, от замечательных авторов

Ирион Зет и СИрения

“Измена дракона. Сладкая истинная”

Я попала в другой мир не по своей воле — случайно, вместе с рецептом яблочной пастилы, который считала просто семейным достоянием. Здесь магия повсюду, а я оказалась в

центре судьбы двоих: один — властный король-дракон, как огонь, другой — тихий и надёжный, как тёплый хлеб, простой пекарь.

Король-дракон называл меня истинной парой, осыпал золотом и клялся в вечности. А потом я застала его в постели с другой. И мир рухнул. Я сбежала в ночь, без денег, без надежды. Спряталась в пекарне у человека, который не задавал лишних вопросов. Я почти поверила, что спасена.

Я думала, что знаю, чего хочу. Но когда сердце разрывалось между страстью и покоем, я поняла: иногда счастье невозможно выбрать. Иногда его приходится... делить.

ЧИТАЕМ ТУТ

Глава 4

Я проснулась затемно — с первыми петухами, которые здесь орали так, будто их резали. Милли ещё не пришла, коридоры пустовали, и только стражи иногда перекликались в отдалении. Это был мой шанс.

Я натянула первое попавшееся платье — серое, без корсета, слава богам — и выскользнула из комнаты. Дворец я запомнила ещё позавчера, когда бродила без цели, пытаясь привыкнуть к новому телу. Библиотека была в восточном крыле, на втором этаже, за высокой дубовой дверью с железными петлями.

Я шла быстро, стараясь не цокать туфлями по каменным плитам. Сердце колотилось где-то в горле. Если меня поймут — что я скажу? «Не спится, решила почитать»? Вряд ли кто-то поверит, что принцессе, которую через месяц выдадут за монстра, вдруг захотелось поэзии.

Дверь в библиотеку оказалась незапертой. Удивительно для места, где хранились государственные документы, но, видимо, королевство было настолько разорено, что даже воров не осталось.

Я толкнула дверь, и та со скрипом открылась — мерзким, громким, на всю округу. Я замерла, прислушиваясь. Тишина. Только где-то далеко каркнул ворон. Я проскользнула внутрь и закрыла дверь за собой.

Библиотека оказалась огромной — выше и длиннее, чем я ожидала. Стеллажи уходили вверх на три яруса, между ними висела паутина, а воздух пах пылью, пергаментом и мышами. Свет пробивался сквозь узкие стрельчатые окна, окрашивая всё в бледно-жёлтый цвет. «Если здесь и есть ответы, — подумала я, — то они зарыты глубоко».

Я не стала тратить время на художественную литературу и карты звёздного неба. Мне нужны были документы. Договоры. Брачные контракты. Списки неженатых королей. Всё, что могло дать мне альтернативу.

Прошла в дальний конец зала, где стеллажи выглядели более основательными — с замками и кожаными переплётками. На одном из них я нашла табличку: «Государственные договоры. 712–745 годы».

Отлично.

Я вытащила первый попавшийся фолиант — тяжёлый, как кирпич — и принялась листать. Латынь (или что здесь вместо неё), витиеватые подписи, сургучные печати. Я ничего не понимала. Но я не сдавалась.

«Спокойно, Алиса. Ты читала договоры на фрилансе. Это всего лишь другой язык».

Через час у меня слипались глаза, а пальцы были чёрными от пыли. Я уже начала отчаиваться, когда наткнулась на папку с пометкой: «Соседние королевства. Обзорные справки».

Внутри лежали не договоры, а досье — на каждого правителя в радиусе тысячи миль. Имена, ресурсы, военная мощь,

семейное положение. Я пролистала эльфов — женаты, или помолвлены. Орков — женаты, или помолвлены. Драконов — один вдовец. Людей — всё разобрано. И в самом конце, на пожелтевшем пергаменте, подведённое бледной чернильной линией, было имя: «Королевство Василисков. Правитель — король Артавир». И приписка от руки: «Не женат. Слухи: жесток, опасен, покрыт чешуёй. Невест избегают. Ресурсы: неизучены». Я улыбнулась. Впервые за два дня — по-настоящему. «Здравствуй, мой спасительный вариант. Я уже наткнулась на тебя раньше, но не задумывалась об этом».

Я вытащила папку с досье и уселась прямо на пол, приклонившись к стеллажу. Света было мало, но я водила пальцем по строчкам, боясь пропустить хоть слово. Василиски. Южные земли. Граничат с драконьими горами и пустошами огров. Климат — умеренный до жаркого. Население — преимущественно рептилоиды, но есть и люди. Король Артавир, возраст — около трёхсот лет (по меркам василисков это молодое). Правит уже семьдесят лет. Жесток — по слухам. Подробностей нет. Ни одной жены. Ни одной наложницы. Ни одной помолвки.

Внизу, мелкими буквами, кем-то из писцов добавлено: «Отказали две принцессы из соседних королевств. Обе — после личной встречи. Причины не называли. Сплетни: ужасен лицом, убивает взглядом, превращает в камень».

Я перечитала последнюю строчку три раза. «Убивает взглядом, превращает в камень». Как в мифах. Боже, во что

я вляпываюсь.

Но я не искала красавчика. Я искала выход. И потому пролистала дальше, туда, где говорилось о ресурсах. Список был коротким, но впечатляющим: «Чешуя василисков (броня, щиты), яд василисков (оружие, antidоты, алхимия), базальт и обсидиан (строительство, порталы), магические кристаллы из драконьих жил (редкость, высокая цена на всех рынках)».

Я присвистнула. Это было золото. Не в прямом смысле, но по ценности — точно. Наше королевство, разорённое и нищее, могло продавать эти ресурсы через посредников. Драконьи кристаллы стоили баснословно — я помнила из обрывков разговоров, что одна крошка шла за годовой доход небольшого города. Чешуя василисков была прочнее стали. А яд... яд можно было продавать аптекарям по всему континенту.

«Если я смогу заключить этот брак, — подумала я, — то принесу короне больше, чем орк, эльф и дракон вместе взятые».

Но я не дура. Я понимала, что сделка должна быть выгодна обеим сторонам. Король Василисков — не благотворитель. Он женится не потому, что ему скучно. Ему что-то нужно от нас. Я принялась листать папку в обратную сторону, ища раздел «Импорт».

Нашла.

Список был жалким: «Зерно (низкое качество), лес (сред-

ний объём), шерсть (мало)».

Наше королевство было нищим. Нам нечего было предложить, кроме... кроме дочерей. Я выругалась шёпотом, так, что эхо отозвалось где-то под потолком. А потом меня осенило.

Мы находились на перекрёстке торговых путей. Через наши земли шёл товар из эльфийских лесов в драконьи горы. Мы могли предложить василискам не ресурсы, а доступ. Беспшлинный транзит. Торговое соглашение. Мы станем его окном в мир. А он — нашим щитом и кошельком.

Я достала из кармана платья кусочек угля (нашла ещё вчера в камине) и принялась писать на полу прямо на каменных плитах. Цифры. Проценты. Маршруты. Я не была экономистом, но шесть лет фриланса научили меня считать выгоду.

Транзит через наши земли сокращал путь для василисков в два раза. Экономия на доставке — около сорока процентов. Плюс наши торговые корабли могли возить их товар дальше на запад, куда у них не было доступа. В обмен мы получали доступ к кристаллам по себестоимости — и могли перепродавать их с наценкой в триста процентов.

Я писала и переписывала, пока не получилась схема, от которой у меня самой загорелись глаза.

«С этим планом я не уйду из кабинета отца, пока он не согласится. Даже если придётся кричать, топтать ногами и биться в истерику. Хотя истерика — это не мой метод. Мой метод — цифры».

Я сидела на полу в библиотеке, пока солнце не поднялось выше крыш. Схема была готова. Я проговорила её вслух три раза — как мантру, как заклинание. Потом поднялась, стёрла уголь с плит подолом платья и вернула папку на место. Но перед уходом сделала то, что когда-то делала в институте на экзаменах: переписала ключевые цифры на клочок пергамента и спрятала в лиф.

Безопасность превыше всего. В этом мире нельзя доверять никому, даже собственной памяти. Я оглядела библиотеку напоследок — пыльную, тёмную, полную древних тайн — и прошептала: «Спасибо». Потому что здесь, среди паутины и мышинного помёта, я нашла не просто документы. Я нашла надежду.

Обратный путь был страшнее. Коридоры уже наполнялись слугами — кто-то нёс бельё, кто-то тащил ведра с водой, кто-то просто шёл по своим делам. Мне пришлось петлять, прятаться за колоннами и делать вид, что я просто гуляю после бессонной ночи.

Дважды меня окликали — один раз какой-то лакей, второй раз поварёнок с вопросом, не желает ли её высочество завтрак. Я отмахивалась и ускоряла шаг. В свои покои я влетела как пуля — и вовремя. Милли уже стояла у кровати с подносом и округлившимися глазами.

— Ваше высочество, вы уже встали? Я не слышала звонка!

— Не спалось, — я улыбнулась самой невинной улыбкой.

— Решила прогуляться по саду. Воздух полезен для здоро-

вья.

Милли, кажется, не поверила, но спорить не стала.

Я села за завтрак — каша, мёд, травяной чай — и позволила себе впервые за эти дни улыбнуться по-настоящему. Без горечи, без надрыва. Просто улыбнуться. У меня был план. Не просто «может быть», не просто «надеюсь», а чёткий, просчитанный, экономически обоснованный план. Я могла назвать цифры. Я могла назвать маршруты. Я могла объяснить, почему василиск лучше огра — не эмоционально, а прагматично.

Король-отец не мог отказаться от выгоды. Он разорился не потому, что был глуп, а потому, что обстоятельства были сильнее. А я давала ему шанс отыграть потери. И себе — шанс выжить. Я допила чай и поставила чашку на блюде с лёгким звоном. «Король Василисков, — подумала я. — Ещё не знаю, кто ты. Но ты — моя карта. И я сыграю её правильно».

Милли унесла поднос. Я осталась одна, подошла к окну и посмотрела на серое утро над чужим городом. Стража на стенах менялась, где-то лаяли собаки, кузнец уже бил молотом по наковальне. Жизнь шла своим чередом — для всех, кроме меня. Для меня жизнь остановилась в тот момент, когда я поскользнулась на коврике с уткой. А сейчас... сейчас она снова начиналась.

Я достала из лифа пергамент с цифрами, перечитала ещё раз и спрятала обратно. Потом подошла к тумбочке. Золото-

го яблока там не было. Оно исчезло — то ли обиделось, то ли поняло, что сегодня я не сдамся. «Завтра, — сказала я себе, глядя в мутное стекло. — Завтра я приду к отцу и не уйду, пока он не согласится. Я не буду кричать. Я не буду плакать. Я буду считать. И он сломается. Потому что цифры не врут. А эмоции — врут. И я это знаю лучше, чем кто-либо».

Глава 5

Я не спала всю ночь. Не из страха — из азарта. Перед мысленным взором я снова и снова прокручивала цифры, маршруты, аргументы. Пергамент с расчётами я переписала трижды — последний раз уже утром, при свече, когда Милли ещё не проснулась.

В зеркале на меня смотрела бледная рыжая девушка с лихорадочным блеском в глазах.

— Идём, — сказала я ей. — Идём спасти нашу шкуру.

За дверью было темно и тихо. Я прокралась по коридорам, как в прошлый раз, но теперь не пряталась — шла уверенно, с высоко поднятой головой. Если меня увидят — значит, увидят. Мне больше нечего скрывать.

Кабинет короля находился в северной башне. Два стражника у двери удивлённо выпрямились, когда я появилась из полумрака.

— Ваше высочество? — Его величество ещё не принимает.

— Примет, — сказала я. — Скажите, что его дочь пришла спасти королевство.

Король сидел за столом в халате, с кружкой травяного отвара и недоеденным тостом. Он выглядел лет на десять старше, чем на совете — невыспавшимся, помятым, почти жалким. Увидев меня, он поморщился.

— Лиранель, сейчас даже птицы не проснулись. Что случилось? Опять эти кошмары? Я велел лекарям давать тебе настойку...

— Никаких кошмаров, отец. — Я села напротив, положила перед ним свой пергамент. — Я пришла с деловым предложением. Лучшим, чем то, которое вы заключили с огром.

Он не засмеялся. Он просто уставился на меня, как на умалишённую. Потом взял пергамент, повертел в руках и сказал:

— Ты умеешь писать. Это хорошо. Но я не понимаю, зачем ты пришла в шесть утра...

— Прочтите, — перебила я. — Пожалуйста. Всего пять минут.

Он читал. Сначала с недоумением, потом с лёгким интересом, потом... он засмеялся. Негромко, но искренне.

— Лиранель, — сказал он, откладывая пергамент. — Василиск? Ты предлагаешь выдать тебя за василиска? Ты в своём уме?

— В своём, отец. Посмотрите на цифры. Его ресурсы принесут казне втрое больше, чем чёрный металл огров. А транзитный договор — впятеро в долгосрочной перспективе.

— А огр? — король перестал смеяться. — Ты думаешь, Кхарон простит нам такой поворот? Он убьёт посла. Он нападёт на границы. Он...

— Он не нападёт, — я подалась вперёд. — Потому что василиск сильнее. Потому, что если огр тронет наши земли,

он получит войну на два фронта — с нами и с югом. Потому что он трус, отец. Он выбирает лёгкие жертвы. А василиск — не лёгкая жертва.

Король замолчал. Долго смотрел на меня — так, будто видел в первый раз. Потом перечитал пергамент, уже внимательно, водя пальцем по строчкам.

— Ты действительно это просчитала? — спросил он тихо.

— Каждую цифру, отец.

— Откуда? Ты же никогда не интересовалась экономикой. Ты рисовала. Ты пела. Ты...

— Я изменилась, — сказала я твёрдо. — Смерть меняет людей. Даже если она не случилась до конца.

Король откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Я видела, как он борется сам с собой — между привычным страхом перед огром и новым, непривычным страхом перед неизвестностью. Между старыми договорами и новыми возможностями. Между ролью отца и ролью короля. Наконец он выдохнул:

— Я подумаю.

Король думал три дня. За эти три дня я постарела лет на пять. Дворец гудел как растревоженный улей. Слуги перешёптывались. Сёстры косились. Корбин, главный советник, ходил за мной хвостом и пытался выведать, что я сказала отцу. Я молчала.

На четвёртый день король вызвал меня в кабинет и сказал коротко:

— Я отправил гонцов к василиску и к огру. Если Кхарон согласится разорвать договор без войны — я рассмотрю твой вариант.

Если согласится.

Если.

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

«Он не согласится, — подумала я. — Но ты, отец, уже на моей стороне. Ты просто боишься себе в этом признаться».

Гонец от Кхарона вернулся через два дня. Без головы. В конверте была записка, написанная кровью:

«Она моя. Отдайте. Или я сотру ваше королевство с лица земли».

Я читала эти строки, стоя за спиной короля, и чувствовала, как внутри поднимается холодная ярость. Не страх. Ярость.

«Ты не сотрёшь, — подумала я. — Ты просто привык, что тебе все уступают. А я не уступлю».

Король побелел. Корбин заикался. Советники предлагали отправить армию к границам. А я тихо сказала:

— Он блефует. Если бы он мог нас уничтожить, он бы уже давно это сделал.

Ответ от василиска пришёл на пятый день. Король Артавир писал сухо, по-деловому:

«Предложение о браке принято. Ресурсы — да. Транзит — да. Военный союз против огров — да. Принцессу жду через три недели. Если опоздаете — предложение аннулирует-

ся».

Ни слова о чувствах. Ни слова о красоте невесты. Никаких «жду с нетерпением». Просто договор. Я перечитала письмо три раза и улыбнулась. Мне нравился этот василиск. Дело-вой. Холодный. Предсказуемый. С ним хотя бы можно было торговаться. Я посмотрела на отца:

— Ну что? Василиск сказал «да». Огр сказал «нет и убью». Выбор за вами.

Король молчал минуту. Потом повернулся к Корбину:

— Готовьте документы. Мы расторгаем договор с огром. И готовьте карету. Лиранель отправляется к василиску через неделю.

Я выдохнула. Впервые за пять дней.

После совета король задержал меня. Мы остались вдвоём в его кабинете — он у окна, я у двери.

— Ты действительно хочешь этого? — спросил он. — Василиск. Чешуя. Холод. Слухи о жестокости.

— А огр? — ответила я вопросом на вопрос.

— Огр — смерть, — сказал он тихо. — Я знаю. Я не хотел тебя отдавать. Но у меня не было выбора. Не только из-за ресурсов. Это была бы война. Я открыто искал женихов, выгодных короне, и не мог отказать. Я не мог отправлять наших подданных на войну, которую они не выиграют. Выбор был, но выбирать было не из чего.

— Теперь есть, отец.

Он подошёл и положил руки мне на плечи. Впервые за всё

время — не как король к подданной, а как отец к дочери.

— Я боюсь за тебя, Лира. Василиск не человек. Он может быть опасен. Даже если не захочет. Но огр куда опаснее. За эти недели мы составим такой договор, что василиск будет с тебя пылинки сдувать, я тебе это обещаю.

— Я справлюсь, — сказала я. — Я уже умерла однажды, отец. Второй раз не страшно.

Он обнял меня. Неловко, по-королевски, но искренне. И в этот момент я почувствовала это — отцовская забота. Неуклюжая, ведь он не привык показывать такие чувства, но все же это была именно она.

Последняя неделя во дворце прошла как в тумане. Милли собирала мои вещи — платья, украшения, книги. Я смотрела на это равнодушно. Ни одна вещь здесь не была моей. Всё это принадлежало Лиранель — той, которая хотела умереть.

Я брала с собой только то, что могло пригодиться: тёплый плащ, кинжал (тот самый, со следами крови, — на всякий случай), и шкатулку. В шкатулке лежало золотое яблоко. Оно появилось снова, как только король подписал документы. Я открыла крышку, посмотрела на него. Оно тускло светилося, будто говорило: «Молодец. Но это только начало». Я закрыла шкатулку и убрала в дорожную сумку.

Старшие сёстры прощались холодно. Розалинда сказала: — Надеюсь, ты не пожалеешь. И... я рада, что ты выходишь за василиска. Более достойной партии для тебя было бы сложно найти.

Лилиан промолчала. Марго скривилась:

— Василиск — это лучше огра, но не намного. Держись, сестренка!

И только Беатрис плакала. Она обняла меня на прощание так крепко, что хрустнули рёбра.

— Ты вернёшься? — спросила она шёпотом.

— Когда-нибудь, — сказала я. — А ты пиши мне письма. Хорошо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.